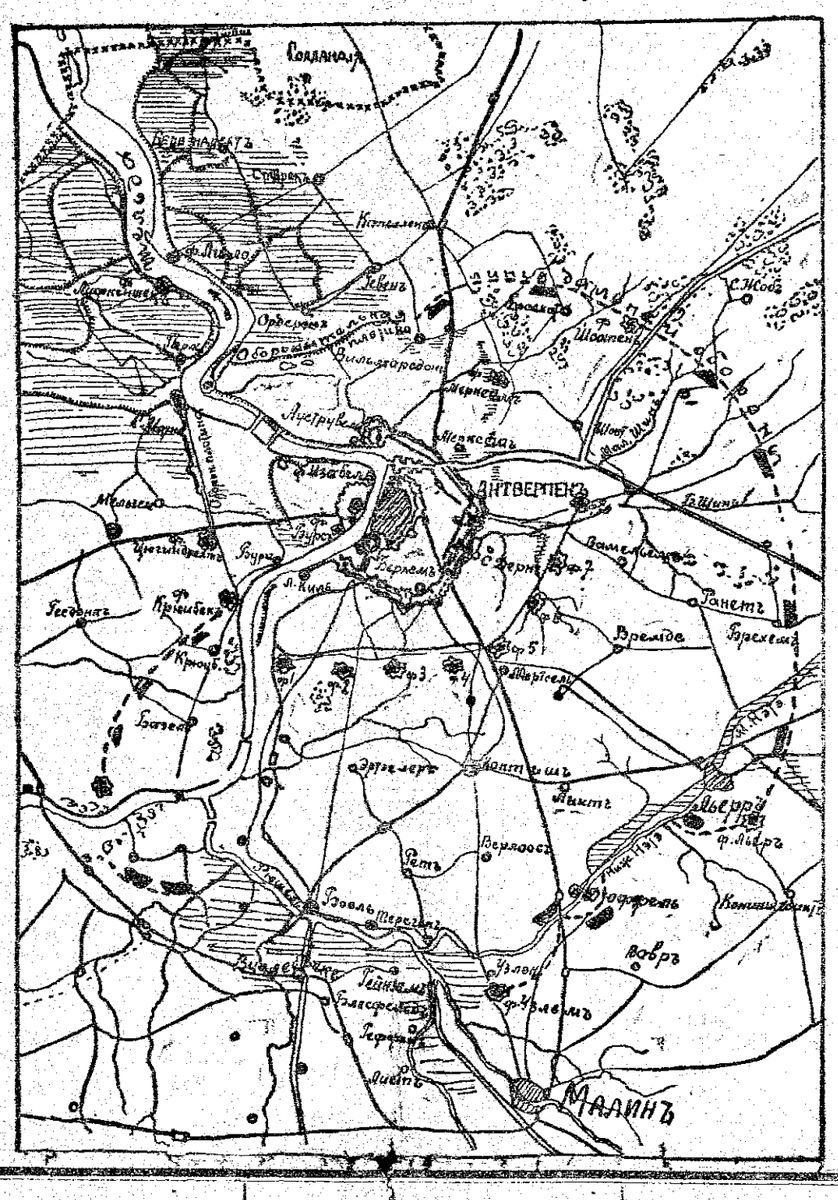
бѣжавшей, и тутъ прямо приходится ставить вопросъ о способности крѣпостей бороться съ современной артиллеріей.

На западномъ театрѣ войны мы имѣемъ быстрое паденіе Льежа и Намюра въ результатѣ одной бомбардировки (Намюръ) или бомбардировки, сопровождаемой штурмомъ крѣпостнаго ядра въ промежутокъ между фортами (Льежъ). Не оказали сколько-нибудь длительнаго сопротивленія и французскіе форты-заставы. Но наибольшее значеніе имѣетъ, конечно, быстрое паденіе Мобежа. Это была первоклассная и вполнѣ современная крѣпость. Сами французы высоко ставили ея оборонительныя средства, особенно такъ-называемые «ouvrages» (промежуточныя укрѣпленія между фортами). Между тѣмъ Мобежъ, къ которому германскія войска подошли только 14-го августа, уже сдался 26-го августа съ 40,000-нымъ гарнизономъ. По частнымъ нѣмецкимъ источникамъ, въ бомбардировкѣ Мобежа принимали участіе преловутыя 16-тидюймовыя мортиры; но это указаніе возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Тѣ же самые нѣмецкіе источники говорятъ, что осадная германская артиллерія состояла «главнымъ образомъ» изъ 8-мидюймовыхъ мортиръ и что очень существенную поддержку оказали ей австрійскія мотерныя мортирныя батареи. Содѣйствіе австрійскихъ батарей и подчеркиваніе первенствующей роли 8-мидюймовыхъ мортиръ были бы излишни, если бы въ дѣлѣ дѣйствительно участвовали 16-тидюймовыя чудовища. Да и возможность установки ихъ на позиціи въ такой короткій срокъ является очень мало вѣроятной. Скорѣе поэтому можно думать, что въ бомбардировкѣ Мобежа не участвовали орудія калибра больше 8-ми дюймовъ или самое большее 11-тидюймовыя мортиры, участвовавшія въ бомбардировкѣ Намюра.

Съ другой стороны, мы имѣемъ чрезвычайно упорное сопротивленіе, оказываемое на укрѣпленныхъ полевыхъ позиціяхъ во время русско-японской (на Шахэ) и настоящей войны (на рѣкѣ Энъ). Японцы на Шахэ выставили тяжелую осадную артиллерію и однако смогли принудить русскихъ къ отступленію лишь обходомъ нашего праваго фланга. На рѣкѣ Энъ въ дѣло тоже пущена осадная артиллерія, и однако здѣсь она не дала такой быстрой развязки, какъ въ Мобежѣ, не говоря уже про Льежъ и Намюръ. Конечно, нѣсколькихъ отдѣльныхъ случаевъ, къ тому же извѣстныхъ намъ безъ очень существенныхъ подробностей, еще недостаточно для того, чтобы вынести окончательное рѣшеніе, но пока общее впечатлѣніе создается на основаніи опыта настоящей войны не въ пользу крѣпостей.

А. Отлинъ.

Планъ антверпенской крѣпости.



Изъ Варшавы въ Ярославъ.

2. Въ разоренной странѣ.

Дважды австрійцы угрожали Люблину. Въ первый разъ они были отбиты со значительнымъ уронокъ въ 20-хъ числахъ августа. Послѣ того они сосредоточили на югѣ Люблинской губерніи огромныя силы, подкрѣпленныя двумя корпусами прусскихъ войскъ. Эта армія, въ которой считали не меньше *милліона* солдатъ, была сокрушена въ великой галиційской битвѣ,—многодневномъ сраженіи, не имѣющемъ себѣ равнаго въ исторіи. Точнѣе говоря, происходило два отдѣльныхъ сраженія, каждое съ фронтомъ въ 70—80 верстъ: одно—на лѣвомъ берегу Вепржа, гдѣ были сосредоточены австро-германскія силы, тяготѣвшія къ Люблину, другое—на правомъ берегу этой рѣки, гдѣ оперировала армія, пытавшаяся прорваться къ Холму. Пораженіе обѣихъ армій было безпримѣрное. Австрійцы на лѣвомъ флангѣ послѣ кратковременнаго успѣха, подавшаго поводъ императору Вильгельму послать его извѣстную поздравительную телеграмму Францу-Іосифу, были, что называется, «разбиты на-голову». Въ паническомъ страхѣ они бѣжали съ обѣихъ позицій тайно, ночью, не предупредивъ даже о своемъ отступленіи союзныя войска прусаковъ, которыя послѣ того и были почти истреблены («Мы этого предательства не простимъ австрійцамъ никогда»,—говорилъ намъ одинъ плѣнный прусакъ). Наша армія преслѣдовала австрійцевъ до Янова, гдѣ они тщетно пытались задержаться, и до переправы черезъ рѣку Санъ, гдѣ нанесла имъ новое пораженіе. Въ концѣ-концовъ австрійцы отступили подъ защиту своихъ крѣпостей, предоставивъ намъ почти всю Галицію, до самыхъ Карпатъ.

Пребываніе австрійцевъ въ Люблинской губерніи и многочисленные бои въ ея предѣлахъ тяжко отразились на состояніи края. Проѣхавъ всего нѣсколько верстъ на югъ отъ Люблина, уже встрѣчаешь разоренныя и сожженныя деревни. Въ иныхъ осталось не больше трети домовъ; прочіе представляютъ изъ себя безформенныя развалины, груду кирпичей и обгорѣлыхъ балокъ, среди которыхъ все еще бродятъ бывшіе хозяева дома (а можетъ-быть, и случайные мародеры), выкапывающіе изъ-подъ углей и пепла все, что сколько-нибудь уцѣлѣло отъ огня. Крестьяне, съ которыми мы говорили, съ ужасомъ разсказывали намъ о неистовствахъ австрійцевъ: они грабили, наступая, и грабили, отступая, жгли, когда шли впередъ, и жгли, когда бѣжали отъ преслѣдующихъ ихъ казаковъ. Особенно всѣ жаловались на тѣ насилія, которыя чинились австрійцами надъ женщинами. «Женская повинность» была возведена у австрійцевъ чуть ли не въ систему. Офицеры прямо приказывали: привести въ такую-то часть войска столько-то женщинъ. Не исполнить подобнаго приказа было невозможно: за ослушаніе полагался разстрѣлъ. Послѣ этого понятно, что мѣстные жители, когда была хоть малѣйшая возможность, бѣжали изъ деревень при приближеніи германскихъ отрядовъ и прятались по лѣсамъ, гдѣ жили въ норахъ и на деревьяхъ. Не успѣвшіе бѣжать зарывали въ землю свое добро, принадлежавшее помѣщикамъ и т. п. Одна старуха сдѣлалась популярной въ округѣ (да, вѣроятно, и нажилась), продавая особое питье, которое будто бы предохраняетъ женщинъ отъ послѣдствій пребыванія съ австрійцами.

— Какъ же у васъ относятся къ дѣвушкамъ, которыя побывали у австрійцевъ?—спросили мы одного крестьянина.

— Что же дѣлать?—угрюмо отвѣчаетъ тотъ.—Всѣ у нихъ побывали, всѣ одинаковы!

Въ настоящее время жители вернулись на родное пепелище. Деревни опять наполнились. Всѣ размѣстились кто какъ могъ. Иные изъ погорѣльцевъ нашли пріютъ въ уцѣлѣвшихъ домахъ, у родственниковъ и «сосѣдей». Другіе сколотили себѣ временные бараки или просто построили шалаши и выкопали землянки. Во всякомъ случаѣ сельскія работы возобновлены. Женщины, согнувъ спины, бродятъ въ потоптанныхъ поляхъ кукурузы, выбирая сохранившіяся головки. Другія роютъ картофель, добрая половина котораго выбита конскими копытами. Подрѣзаютъ хмѣль, растущій здѣсь на высокихъ жердяхъ, сажени въ двѣ высотой. Въ полѣ, гдѣ еще недавно горѣлъ кровавый бой, крестьяне идутъ за бороной, засыпая свѣже-разбросанныя зерна. Война проходитъ надъ странами, какъ ураганъ, какъ стихійное бѣдствіе, а древній, вѣчный, исконный трудъ земледѣла продолжается изъ года въ годъ, изъ тысячелѣтія въ тысячелѣтіе. Глядя на эти усердныя работы на мѣстахъ битвъ, я невольно вспомнилъ свои стихи:

Колеблются нивы отъ гула,
Ихъ топчетъ озлобленный бой...
И снова безмолвно Микула
Вотрѣзаетъ имъ грудь бороздой.

Сейчасъ же за Люблиномъ начинаютъ встрѣчаться въ лѣсахъ и въ полѣ окопы. Нѣкоторые изъ нихъ—маленькія ямки, наскоро вырытыя «перебѣгавшими» солдатами. Другіе—солидныя сооруженія, глубокія траншеи, изъ которыхъ можно было стрѣлять стоя. Иные имѣютъ «прикрытіе» изъ досокъ. Иногда окопы расположены въ два, три, четыре «яруса», т. е. составляютъ нѣсколько параллельныхъ полосъ. Въ лѣсу окопы усилены баррикадами изъ срубленныхъ деревьевъ и наваленныхъ сучьевъ: это—засады. Вездѣ, вокругъ окоповъ, валяется множество разстрѣлянныхъ и не разстрѣлянныхъ патроновъ, крышки прицѣлей, разныя мелкія части военнаго снаряженія и аммуниціи. Мы нашли тамъ же обломки ружей: должно-быть, они были раздроблены въ рукахъ солдатъ слишкомъ мѣтко угодившими ядрами. Совсѣмъ недавно, какъ намъ говорили, валялись здѣсь же, въ поляхъ, австрійскіе винтовки, тесаки, лопаты и разные цѣнные предметы, брошенные во время бѣгства; теперь все это убрано. На многихъ деревьяхъ—слѣды артиллерійскихъ снарядовъ. Есть огромныя сосны, расщепленныя гранатами. Есть великаны-вязы, словно срубленные у самаго корня. Нѣкоторые стволы унизаны ружейными пулями. Тоненькія деревца, пробитыя посрединѣ, висятъ, жалостно перегнувшись.

Бой не пощадилъ и придорожныхъ крестовъ, которыхъ такъ много въ Польшѣ. Нѣкоторые, каменные, разбиты вдребезги снарядами; другіе, деревянные, повалены. Мы видѣли одинъ съ отбитой половиной перекладины: трогательный символъ надъ мѣстомъ кроваваго боя. Но вмѣсто разрушенныхъ крестовъ здѣсь выросли другіе: кресты надъ братскими могилами. Мы посѣтили нѣсколько такихъ могилъ. Есть надъ ними кресты безмолвные, безъ всякой надписи. Есть съ краткимъ перечнемъ погребенныхъ подъ ними незамѣтныхъ героевъ, положившихъ душу свою за братьевъ. На общемъ крестѣ не безъ волненія мы прочли кѣмъ-то тщательно выведенныя простыя слова: «Прощайте, товарищи!».

По дорогѣ, вдоль шоссе, кое-гдѣ еще остались зарядные ящики, передки орудій, поломанныя повозки. Всего этого было такъ много, что не достало рукъ прибрать все. Наши склады въ мѣстныхъ городахъ завалены отнятой и подобранной добычей. Тамъ—цѣлые амбары австрійскихъ ружей, сабель, ранцевъ, шинелей; цѣлые парки австрійскихъ орудій, изъ которыхъ можно организовать нѣсколько батарей, тѣмъ болѣе, что для нихъ имѣется и вполнѣ достаточное число снарядовъ, тоже брошенныхъ отступавшей арміей... Очень много въ канавахъ вдоль дороги труповъ лошадей. Число ихъ впрочемъ постоянно пополняется обозными лошадьми, не выносящими трудностей долгаго пути. Тяжелое впечатлѣніе производятъ эти лошадиныя тѣла, съ безобразно вскинутыми ногами, съ раздувшимися животами, съ оскаленными мордами и закатившимися глазами. Говорятъ, что мародеры ночью сдираютъ съ нихъ шкуры. Мы видѣли только одинъ примѣръ этого: трупъ лошади съ содранной шкурой. Но одинъ офицеръ въ Замостьѣ разсказывалъ намъ, что однажды онъ задержалъ цѣлый возъ, нагруженный лошадиными шкурами, воровски содранными на поляхъ битвъ и вдоль дорогъ.

Первый большой городъ, встрѣтившійся намъ на пути, былъ Красноставъ, верстахъ въ 50-ти отъ Люблина. Во время послѣднихъ боевъ онъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Дважды Красноставъ былъ центромъ «артиллерійской дуэли». Всѣ кварталы города, примыкающіе къ рѣкѣ, окончательно разрушены. Торчатъ трубы развалившагося строенія, стоитъ одинокая стѣна исчезнувшаго дома, маленькая хибарка вся закрыта своей желѣзной крышей, свалившейся до самой земли, словно мальчишка большимъ картузомъ, опустившимся на подбородокъ. Вездѣ груды желѣза, кирпича и мусора, все еще дымящагося слабымъ бѣлымъ паромъ. Законченныя, сломанныя наполовину вывѣски гласятъ о несуществующихъ больше магазинахъ и учрежденіяхъ. Мѣстами плиты тротуаровъ выворочены страшной силой снарядовъ, и мостовая превращена въ безпорядочно изрытыя ямы.

Мостъ черезъ Вепржъ былъ разрушенъ австрійцами. Теперь наведенъ новый, и странно смотрѣть съ него на двѣ стороны города, одинаково разрушенныя боемъ, представляющія уступы руинъ, зубцы стѣнъ, выступы какихъ-то башенъ. Мы проѣзжали черезъ Красноставъ ночью. Та же, почти полная луна, что и въ Люблинѣ, смотрѣла на насъ черезъ глазницы пустыхъ оконъ, заливала бѣлымъ свѣтомъ угольники стѣнъ, за которыми уже не было домовъ, нѣжной зыбью серебрилась на волнахъ широкой и мирной рѣки. Думалось о тѣхъ дняхъ, когда вся эта, нынѣ безмолвная, картина была оглушена ревомъ и свистомъ летящихъ гранатъ, озарена языками пламени и заревами безсчетныхъ пожаровъ; когда каждый выступъ, каждый уголъ служилъ прикрытіемъ, прячась за которое, люди перебѣгали впередъ подъ дождемъ пуль все ближе и ближе къ врагу; когда на улицахъ дрались грудь съ грудью, коля штыками, рубя шашками, и когда окрававленныя воды Вепржа крутили и влекли мертвыя тѣла, заваливщія его берега... А теперь тамъ и сямъ въ отдѣльныхъ окнахъ свѣтились тихіе огоньки. Люди, узнавъ, что миновала грозная опасность, вернулись въ свои насиженныя гнѣзда, разобрались въ своей полуразграбленной, полусожженной обстановкѣ, кое-какъ наладили жизнь и вотъ среди развалинъ мирно ужинаютъ, шутятъ, бесѣдуя и вспоминая пережитыя горести, строятъ планы будущаго, можетъ-быть, цѣлуются и шепчутъ другъ-другу предъ ликомъ вѣчной свидѣтельницы, луны, любовныя рѣчи...

Ночевали мы въ Замостьѣ, откуда уже всего верстъ 40 до нашей бывшей границы съ Австріей. Замостье пострадало сравнительно меньше, чѣмъ Красноставъ, хотя и здѣсь оказалось нѣсколько разрушенныхъ кварталовъ. Зато средняя, лучшая часть города уцѣлѣла. Въ Замостьѣ уже вполнѣ возобновилась обычная жизнь, и двѣ большихъ гостиницы, «Викторія» и «Европейская», дѣлаютъ хорошія дѣла въ наши дни великаго передвиженія человѣческихъ массъ. Утромъ мы видѣли открытые магазины и кафэ, работающія городскія учрежденія, гуляющую по улицамъ публику. Замостье—городъ довольно большой; въ немъ есть хорошія улицы, магазины съ высокими зеркальными стеклами, красивые, старинные костелы, ряды многоэтажныхъ домовъ, напоминающихъ любой европейскій центръ. Разрушеніе прошло стороной, и внѣшній обликъ города не измѣнился.

Австрійцы одно время думали обосноваться въ Замостьѣ прочно. Было учреждено особое городское управленіе, изданы «правила» для населенія, по улицамъ для поддержанія порядка поставлены часовые и т. д. Жители полны воспоминаніями объ этой порѣ владычества нѣмцевъ. Тѣ, которые не успѣли бѣжать, одно время пытались продолжать свои привычныя занятія. Скоро однако выяснилось, что это почти невозможно. Не только соблюдать, но даже запомнить всевозможныя мелочныя предписанія, изданныя австрійцами, было немыслимо. Между тѣмъ за несоблюденіе ихъ виновныхъ арестовывали, сажали подъ стражу, даже грозили имъ разстрѣломъ. Сами австрійцы, разграбивъ общественное имущество, стали грабить частныхъ людей, врывались, подъ разными предлогами въ квартиры, обыскивали ихъ и уносили цѣнныя вещи, въ томъ числѣ дамскія украшенія, часы, шубы... Тогда обыватели начали прятаться, дѣлали видъ, что квартира совершенно пуста, проводили дни и ночи въ сараяхъ, погребахъ, ванныхъ комнатахъ. На улицу отваживались выходить лишь самые смѣлые.

Впрочемъ и австрійцамъ, какъ кажется, жилось въ Замостьѣ не сладко. Всѣ запасы съѣстнаго, которые нашлись въ городѣ, были быстро истреблены. Подвоза никакого не было; булочники разбѣжались и хлѣба не пекли. Обозы къ арміи почему-то не подходили. Служанка того дома, гдѣ мы нашли себѣ пріютъ, разсказывала намъ, что къ ней на кухню пришелъ австрійскій офицеръ и требовалъ ѣды, угрожая револьверомъ. Она дала ему хлѣба и колбасы, и онъ набросился на эту подачку, какъ человѣкъ изголодавшійся, здѣсь же на кухнѣ.

— Онъ такъ и не вошелъ въ комнаты?—спросили мы.

— Чтобы я позволила австрійцу войти въ комнаты пана! Да никогда!—съ негодованіемъ возразила эта простая женщина.

Въ Замостьѣ оказалась возможность пополнить наши запасы. Мы купили хлѣба, консервовъ; шофферъ досталъ бензина «по справедливой цѣнѣ», какъ сказалъ онъ. Проѣзжая по улицамъ, мы видѣли, что у дверей лавокъ распаковывались новые тюки, что покупатели и покупательницы заходили въ модные и галантерейные магазины; въ «складахъ ветчинъ» висѣли свѣжіе окорока; парикмахеръ съ бритвой въ рукѣ наклонялся гдѣ-то за окномъ къ своему кліенту, завернутому въ бѣлый балахонъ. Жизнь вернулась въ городъ, и если бы не обгорѣлыя стѣны домовъ на окраинахъ, было бы трудно сказать, что и здѣсь такъ недавно совершались ужасы войны, что эти торгующіе, покупающіе, запасающіеся ветчиной, бреющіеся обыватели такъ недавно прятались по погребамъ и по ваннымъ комнатамъ, съ часа на часъ ожидая своей послѣдней минуты.

Было ясное, свѣтлое, чуть-чуть свѣжее утро. Нашъ автомобиль обгонялъ безконечные ряды обозовъ, порой тянувшихся на нѣсколько верстъ. Опять мелькали по сторонамъ окопы, расщепленныя снарядами деревья, брошенные зарядные ящики, трупы лошадей въ канавахъ. Оставалось проѣхать Томашовскій уѣздъ, за которымъ уже начинается таинственная Галиція, нынѣ властно призываемая къ новой жизни.

Валерій Брюсовъ.

Ярославъ, 16-го сентября.

ВОЙНА.

(По телеграфу и телефону отъ нашихъ корреспондентовъ).

Восточный театръ войны.

Восточно-прусская граница.

* **ПЕТРОГРАДЪ** *(Отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго).* **На границѣ съ Восточной Пруссіей нѣмцы, притянувъ къ себѣ подкрѣпленія изъ гарнизона Кенигсберга, продолжаютъ на фронтѣ отъ Владиславова до Рачни упорно задерживаться, пользуясь озерными дефиле и болотами Черноганжи.**

МИНСКЪ, 23-го сентября. Прибылъ поѣздъ съ ранеными въ бою на Нѣманѣ офицерами и солдатами. Тяжело раненые размѣщены въ мѣстныхъ госпиталяхъ; легко раненые отправлены во внутреннія губерніи. Завтра ожидаются трофеи побѣдъ въ Восточной Пруссіи—10 германскихъ орудій и два пулемета (ПТА.).

ВИЛЬНО, 24-го сентября. Изъ Сувалокъ сообщаютъ, что послѣ вступленія въ городъ германскія войска прежде всего занялись секвестромъ и перевозкой въ Германію не только казеннаго, но и частнаго имущества, мебели, бѣлья, платья, особенно теплаго, кухонной посуды и затребовали для перевозки 1,200 обывательскихъ подводъ (ПТА.).

* **ПЕТРОГРАДЪ.** Послѣднія свѣдѣнія съ Нѣмана заставляютъ «Times» серьезно смотрѣть на германскія операціи со стороны Восточной Пруссіи.

Въ Польшѣ и Галиціи.

* **ПЕТРОГРАДЪ** *(Отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго).* **За Вислой столкновенія передовыхъ частей происходятъ въ районѣ Опатовъ—Сандомиръ.**

Въ Карпатахъ къ западу отъ рѣки Сановъ разбитъ австрійскій отрядъ. Взяты пулеметы и плѣнные.

* **ПЕТРОГРАДЪ.** Шведскія газеты придаютъ большое значеніе поѣздкѣ императора Вильгельма на восточный театръ, вызванной успѣхомъ нашей арміи на юго-западномъ фронтѣ противъ австрійцевъ.

* ВАРШАВА, 24-го сентября. Военный генералъ-губернаторъ Варшавы и ближайшихъ окрестностей выразилъ по порученію Главнокомандующаго искреннюю благодарность населенію Варшавы и окрестностей за вниманіе и участіе, проявленное мѣстнымъ населеніемъ по отношенію къ войсковымъ частямъ при прохожденіи ихъ черезъ Варшаву (ПТА.).

* **ГАЛИЦІЯ** *(Отъ нашего корреспондента).* Изъ Львова сообщаютъ, что раненымъ офицеромъ Карпюкомъ доставлено военному начальству печатное воззваніе, случайно найденное у плѣннаго нѣмецкаго офицера. Призывая сражаться до послѣдней капли крови, воззваніе заканчивается: «До насъ дошли слухи, что германскія войска подвергаются нападенію мирнаго населенія. Приказываемъ разстрѣливать всѣхъ жителей въ непріятельскихъ мѣстахъ, въ которыхъ обнаружится оружіе, не щадя женщинъ и дѣтей. Пункты, населеніе которыхъ будетъ сопротивляться, необходимо сравнивать съ землей, все населеніе поголовно брать въ плѣнъ, мосты, телеграфы и телефоны разрушать».

* **ПЕТРОГРАДЪ.** Во время кавалерійской атаки у Сатанова (на границѣ Подольской губерніи) былъ убитъ начальникъ 5-й австрійской гонведной кавалерійской дивизіи ген. Эрнстъ фонъ-Фрорейхъ, считавшійся однимъ изъ болѣе выдающихся начальниковъ австро-венгерской арміи.

Въ Венгріи.

* **ПЕТРОГРАДЪ** *(Отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго).* **Въ Соливѣ, находящемся въ 20-ти верстахъ отъ города Мункача, захвачены нами парки и значительные обозы.**

Западный театръ войны.

* ПАРИЖЪ. Оффиціальное сообщеніе отъ 23-го сентября, 11 часовъ вечера, гласитъ: Положеніе безъ перемѣнъ. На лѣвомъ флангѣ къ сѣверу отъ рѣки Уазы бои разгараются съ возрастающей силой. Въ центрѣ наблюдается сравнительное затишье. Мы немного продвинулись впередъ къ сѣверной части возвышенности на правомъ берегу рѣки Маасъ (ПТА.).

ПАРИЖЪ *(Оффиціальное сообщеніе).* На нашемъ лѣвомъ флангѣ сраженіе продолжается по-прежнему съ большимъ ожесточеніемъ.

Противостоящіе другъ-другу фронты простираются до района Лансъ—ла-Басеэ, причемъ эта линія удлиняется еще примыкающими къ ней массами кавалеріи, дѣйствующей вплоть до района Арментьера.